
С Л О В О

при похоронахъ священника села Тростья Михаила Колыбелина, 29 сентября 1891 года.

Правосл. христ.! не вашъ пастырь предстоитъ вамъ нынѣ съ словомъ назиданія. Своего о. Михаила болѣе вы не

увидите на семъ священномъ мѣстѣ бесѣдующимъ съ вами. Меня же вызвала въ вашъ храмъ для совершенія священнослуженія любовь къ почившему о. Михаилу, лежащему во гробѣ; а на семъ мѣстѣ поставило меня сознание долга почитать память его посильнымъ собесѣдованіемъ съ вами, такъ какъ при жизни онъ самъ былъ любезнымъ и приятнымъ собесѣдникомъ моимъ.

Но что убо реку и что возглаголю къ вамъ? При видѣ сего гроба смущаюсь и недоумѣваю, что сказать. Пусть достойный пастырь вашъ о. Михаилъ, лежащій предъ нашими глазами во гробѣ, послужить предметомъ для собесѣдованія въ день похоронъ его.

Зная о христіанской кончинѣ о. Михаила, хотя и не безболѣзненной, по Божію устренію, но непостыдной и мирной, намъ слѣдовало бы всѣмъ по долгу христіанскому, помолиться о блаженномъ упокоеніи души его, порадоваться тому, что онъ благополучно окончилъ земное поприще, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ, за что соблюдается ему вѣнецъ правды. Такъ бы, съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, слѣдовало бы проводить намъ бренные останки о. Михаила изъ плачевной юдоли міра сего въ страну блаженной вѣчности. Но прости, Господи, нашему малодушію! потерпи, Боже праведный, нашему нетерпѣнію! Мы, предстоя гробу сему, не такъ дѣлаемъ, не то видимъ въ окружающихъ бездыханный прахъ усопшаго. Его окружаютъ дѣти, прихожане явились и мы—друзья и товарищи его. И что же при семъ видимъ? Воздыханія, стенаніе, слезы и вопли. Кто, въ самомъ дѣлѣ, и чѣмъ можетъ унять отъ вопля и слезъ дѣтей, когда они еще несовершеннолѣтніе, не доведены до самосознанія и самостоятельности, притомъ недавно лишились любви и надзора матеряго? Въ одномъ добромъ отцѣ своемъ, благора-

зумномъ и попечительномъ, они сосредоточили было все свое счастье, но вотъ и этой послѣдней опоры, радости и утѣхи лишились безвозвратно и, что еще плачевнѣе, остались дѣти малолѣтніе, какъ птенцы неоперенные, имѣющіе нужды въ привѣтѣ, въ ласкахъ, нѣжности и любви родительской, чѣмъ въ высшей степени надѣленъ былъ усопшій, какъ нѣжный и благопопечительный отецъ семейства. Теперь въ одномъ только Богѣ вся ихъ надежда и успокоеніе! Чѣмъ умѣрять свои вздохи и стenanія близкіе родные? Кромѣ того, что они лишились пріятнаго сродича собесѣдника, умѣвшаго раздѣлять съ ними радости и утѣхи, горе и невзгоды, они видятъ въ осиротѣвшемъ семействѣ жалкую безпріютность и имѣ, по чувству родства, придется принять на себя лишнее бремя въ надзорѣ и попеченіи за сиротами. Какъ не скорбѣть и вамъ, православные прихожане, когда въ лицѣ о. Михаила вы лишились лучшаго члена комитета по построенію сего величественнаго храма Божія, лишились добраго, ласковаго, привѣтливаго пастыря, мудраго и ревностнаго наставника въ истинахъ вѣры и благочестія. Скорбимъ, наконецъ, и мы всѣ близкіе въ немъ по дружбѣ и товариществу. Мы всегда находили въ немъ привѣтливаго собесѣдника, нелицемѣрнаго и откровеннаго друга и общаго всѣмъ доброжелателя. Но, братъ христъ, умѣримъ свою скорбь тѣмъ, во 1-хъ, что вѣчность есть необходимый удѣлъ каждаго, путь для всѣхъ равно неизбѣжный. Долго ли, коротко ли, и всѣ мы оставимъ здѣшнюю жизнь; рано ли, поздно ли всѣ переселимся въ страну вѣчности. И это, рано или поздно, по нашимъ расчетамъ ни умираетъ, умираетъ всегда въ свое опредѣленное время. Жизни каждаго назначенъ свой предѣлъ и назначенъ самимъ Богомъ, безъ воли Божіей и волосъ съ нашей головы негибнетъ.

Чему же еще можемъ поучиться предстоя гробу сему? Вѣрнѣе всего тому, что въ мірѣ все непостоянно, измѣнчиво и суетно. Представьте—усопшій о. Михайлъ скончался 53 лѣтъ, когда, по соображеніямъ человѣческимъ и складу организма его, слѣдовало бы пожить ему, какъ благопечительному отцу, какъ бдительному и доброму пастырю, какъ челоуѣку весьма полезному и для храма Божія. Но вотъ смерть безпощадно сразила его. Значитъ, смерть не разбираетъ ничего. Подъ острымъ лезвіемъ косы ея не устаиваетъ ни мужество, ни крѣпость силъ человѣческихъ, она не разбираетъ ни состоянія, ни званія, не смягчается и горькими послѣдствіями, какія оставляетъ въ семействахъ послѣ нещаднаго пораженія своего, не жаливается надъ сиротствомъ, одиночествомъ, безпріютностію, безпомощностію. Отсюда намъ всѣмъ урокъ всегда быть готовыми къ встрѣчѣ смерти. Сей бездыханный прахъ достоуважаемаго о. Михаила указываетъ ясно на суету и измѣнчивость міра сего. Вообразите, онъ жилъ, какъ мы теперь, наслаждался жизнію, встрѣчалъ радости и утѣхи, переносилъ горести и искушенія; но вотъ, найде на него часъ смертный, и онъ теперь безгласенъ, бездыханенъ. Видите, ему не нужны теперь никакія блага міра сего; онъ теперь оставилъ всѣ земныя заботы и попеченія; ему не нуженъ сталъ пространный, прочный и благоустроенный домъ, когда смерть уготовала ему сію столь тѣсную келью; ему не нужны стали и дорогія для сердца его дѣти, тогда какъ все свое стараніе употреблялъ для блага ихъ, всю жизнь свою убивалъ для снисканія имъ счастья, все теперь оставилъ и сей даже новый храмъ, при построеніи коего понесено имъ такъ много трудовъ, хлопотъ, безпокойствъ и даже неприятностей. Такъ вотъ чѣмъ награждаетъ здѣшній міръ насъ—своихъ странниковъ и пришельцевъ! Такъ будетъ и съ важ-

дымъ изъ насъ, брат.; кто какъ ни живетъ, оставитъ мѣръ и все, чѣмъ такъ дорожить, о чемъ заботится, къ чему благоговѣть.

Внявъ симъ трогательнымъ и назидательнымъ урокамъ, преподаннымъ намъ отъ бездыханнаго праха твоего, возлюбленный о. Михаилъ, мы желали бы узнать еще что-либо о загробной жизни. Ты отрѣшился отъ міра сего, ты стоишь во вратахъ вѣчности и созерцаешь будущую жизнь, повѣдай же намъ что-нибудь о состояніи ея, скажи намъ, нужно ли намъ заботиться о благополучіи и благоденствіи здѣшней жизни, какъ мы обыкновенно заботимся и хлопочемъ? Вкушаемыя нами удовольствія, встрѣчаемыя радости и утѣхи, считаются ли тамъ, на небѣ, безгрѣшными? Несчастія, потери и лишенія, которыя почти всюду сопровождаютъ насъ въ мѣръ и которыя мы не можемъ перенести безъ сердечной туги, скорби и ропота, вмѣняются ли тамъ за какой-нибудь подвигъ, за какую-нибудь заслугу? Но нѣтъ, при всей своей любезности, о. Михаилъ на всѣ наши вопросы не отвѣчаетъ намъ ничего изъ гроба. Тѣмъ не менѣе, руководствуясь св. евангеліемъ, лежащимъ на его персяхъ, и ученіемъ св. вѣры нашей, можемъ сказать, что еслибы можно было, онъ несомнѣнно преподалъ бы намъ такіе совѣты: попросилъ бы насъ какъ можно болѣе стараться охлаждать въ себѣ пристрастіе къ благамъ міра сего, удаляться временныхъ удовольствій, бѣгать веселыхъ и шумныхъ бесѣдъ, научилъ бы безропотно и благодушно переносить несчастія, потери и лишенія, подтвердилъ бы намъ, что человѣкъ живетъ здѣсь на землѣ для снисканія блаженной вѣчности, что царство небесное пріобрѣтается съ великимъ усиленіемъ, что только нуждицы восхищаютъ е.

Скорбные предстоятели гробу сему! Присные и знаеміе, ближніе и родные и вы, убитые горемъ, осиротѣвшіе дѣти усопшаго, выслушайте отъ меня, слабаго, недостойнаго собесѣдника, послѣднее слово утѣшеніе! Воплями умершаго намъ не воскресить, слезами горю не помочь, потери не возвратить. Да доставить же вамъ всѣмъ и намъ сладостное утѣшеніе воспоминаніе о томъ, что о. Михаилъ скончался кончиною христіанскою, непостыдною, мирною, оставивъ по себѣ самую добрую память. Правда, онъ одержимъ былъ продолжительною, несносною болѣзнію, но это продолжительное время болѣзни промысломъ Божиимъ дано было ему, какъ драгоцѣнное время, приуготовить себя къ блаженной вѣчности. Въ это время болѣзни онъ могъ и, конечно, успѣлъ обозрѣть всю прежнюю свою жизнь, могъ прослѣдить отъ юности до кончины всѣ искушенія, соблазны, преткновенія и паденія, которыя неизбѣжны для каждаго человѣка, и оплакивая ихъ принести въ оныхъ предъ Богомъ искреннее раскаяніе. Свидѣтелями того неодноразовая его предъ смертію исповѣдь и святое причащеніе, это вѣрный залогъ нашего спасенія; наконецъ святая церковь своими молитвами напутствовала его на подвигъ среди сѣни смертной и таинствомъ елеосвященія. Потому-то онъ, съ несомнѣнною вѣрою въ заслуги Спасителя, спокойно предалъ духъ свой въ руки Божіи. Итакъ, святая вѣра внушаетъ намъ, она успокоиваетъ насъ, что о. Михаилъ перешелъ въ вѣчныя обители, идѣже праведніи водворяются.

Незабвенный другъ мой, о. Михаилъ! Чѣмъ могу, тѣмъ и служу при твоёмъ гробѣ, желая почтить память твою, въ знакъ моей любви и преданности къ тебѣ. Пока живъ, буду молиться у престола Всевышняго о блаженномъ упокоеніи

души твоей. Помолись и ты тамъ, на небѣ, о всѣхъ насъ грѣшныхъ. Аминь.

Священникъ *В. Казанскій.*
